
ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Woman in Russian Society

2021. No. 3. P. 3—17

DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.1

Женщина в российском обществе

2021. № 3. С. 3—17

ББК 67.911.11

DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.1

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ: СОВМЕСТИМОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ ПОДХОДОВ

А. А. Каширкина, А. Н. Морозов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия, anna-kash@yandex.ru

Среди гендерной проблематики особое место занимает вопрос защиты женщин от всех видов и форм насилия, включая домашнее (семейное) насилие. На международно-правовом уровне в основополагающих документах закрепляется наиболее широкий состав определения понятия «домашнее насилие», в которое входят формы не только физического насилия, но и психологического, морального, экономического принуждения, создание различных дискриминационных условий, а также давление по причине того, что субъектом является женщина. Международное право активно разрабатывает инструментарий, направленный на комплексную защиту женщин от всех видов дискриминации и насилия. Однако на пути успешной имплементации таких норм в национальные законодательства стоит немало препятствий. В связи с этим цель настоящей статьи осветить правовые риски и препятствия, которые могут возникнуть перед государствами при введении в действие одного из важнейших международных договоров в этой области — Конвенции Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье 2011 г. (Стамбульская конвенция). Авторами статьи используется метод эмпирического анализа в процессе исследования оценки Стамбульской конвенции и каналов ее имплементации Комиссией Совета Европы за демократию через право (Венецианская комиссия) в принятом ею заключении по вопросу конституционных последствий ратификации Арменией данного международного договора.

Ключевые слова: права женщин, международное право, домашнее насилие, защита прав женщин, дискриминация, гендерное равенство, международные стандарты, Совет Европы, Венецианская комиссия, Стамбульская конвенция.

EUROPEAN EXPERIENCE IN GENDER ASSESSMENT: COMPATIBILITY OF INTERNATIONAL STANDARDS AND NATIONAL LEGAL APPROACHES

A. A. Kashirkina, A. N. Morozov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, anna-kash@yandex.ru

Among gender issues, the issue of protecting women from all types and forms of violence, including domestic (family) violence, occupies a special place. At the international legal level, the most comprehensive definition of “domestic violence” which includes not only physical violence, but also psychological, moral, economic coercion, the creation of various discriminatory conditions, as well as pressure, given the fact that the subject is female is enshrined in the fundamental documents, International law is actively developing tools aimed at comprehensively protecting women from all forms of discrimination and violence. However, there are many obstacles to the successful implementation of such norms in the national legislation of states. In this regard, the purpose of this article is to highlight the legal risks and obstacles that countries face in enforcing one of the most important international treaties in this field — the Council of Europe Convention on the Prevention and Combating of Violence against Women and Domestic Violence of 2011 (Istanbul Convention). At the same time, the authors of the article use the empirical analysis method by examining the assessment of the Istanbul Convention and the channels for its implementation by the Council of Europe Commission for Democracy through Law (Venice Commission) in its opinion on the constitutional consequences of ratification by Armenia of this international treaty. Through the use of methods of international legal, systemic, logical, teleological interpretation, the authors of the article come to the conclusion that one of the key difficulties in the implementation of the Istanbul Convention in national legislation is its complex polyconventional nature, which is manifested in the totality of norm-principles, norm-definitions and protective standards that may be ambiguously perceived by states. At the same time, the development of the catalog of human rights, as the historical method shows, will gradually lead to the appearance in the documents on women’s rights of an increasing number of provisions related to the prevention of not only gender-based violence, but also the prevention of appropriate behavior aimed at discrimination based on sex in the most different expressions. According to the Venice Commission, this also shows the multifunctional nature of Council of Europe standards. Moreover, for the successful implementation of norms aimed at protecting women from forms of violence, both universal human rights protection mechanisms established under the auspices of the United Nations and soft law mechanisms implemented both by the Council of Europe Commission for Democracy through Law (Venice Commission) are needed and other interstate bodies, governmental and non-governmental organizations. The article was written using both general scientific and special methods of cognition: dialectical, historical, philosophical, comparative legal, formal legal, logical, analytical, as well as involving methods of legal modeling and synergetic analysis.

Key words: women’s rights, international law, domestic violence, protection of women’s rights, discrimination, gender equality, international standards, Council of Europe, Venice Commission, Istanbul Convention.

Международное и конституционное право в поисках оптимальной модели защиты гендерных прав

Опыт развития межгосударственных интеграционных объединений и международных межправительственных организаций наглядно доказывает, что европейский регион, где функционируют как Европейский союз, так и политическое объединение Совет Европы, является лидером по закреплению в национальных правовых системах государств и внедрению в них различных гуманитарных ценностей [Каширкина, Морозов, 2018].

В то же время, как справедливо отмечают И. Балабанова-Стойчева, М. Кадиева, Т. Крумова, в Европе антиевропейские движения усиливаются, привлекая сочувствующих и сторонников. Эта тенденция вызывает тревогу за будущее Европы. Особенно сильное влияние таких сил проявляется в отношении защиты прав человека, коллективных прав и свободы личности в регионе. Правые партии, для которых характерна тенденция к крайнему национализму, набирают силу в Европе и порождают ксенофобию и расизм. Очень часто программы этих движений включают конкретные шаги против женщин и равенства женщин и мужчин, против прав человека. Они также создают условия для формирования сильного антифеминистского предубеждения и для принятия мер в ущерб уже достигнутым правам [Балабанова-Стойчева и др., 2017].

Кроме того, как указывается в зарубежных исследованиях, во всем мире женщины по-прежнему сталкиваются с широким кругом проявлений неравенства и дискриминации, обусловленных тем, что они женщины. Например, в самых разных юрисдикциях законы и политика продолжают способствовать активной дискриминации женщин в таких областях, как правовой статус, гражданство, семья и брак, наследование и имущественные права. Широко распространено насилие в отношении женщин, в то время как правовые и судебные меры не могут эффективно реализовываться, предотвращать и наказывать соответствующие деяния. Дискриминация женщин и девочек на рабочем месте, а также в сферах образования и здравоохранения остается обычным явлением. Между тем ряд барьеров продолжают препятствовать доступу женщин к правовой защите и возмещению ущерба в случаях дискриминации. Декларативно обеспечение принципа гендерного равенства закреплено в национальных законодательствах и законодательствах, запрещающих дискриминацию во всех аспектах жизни женщин и наделяющих их соответствующими средствами правовой защиты. Однако эти меры являются единичными из тех правовых мер, реализацию которых международное право в области прав человека требует обеспечить государствам, чтобы устранить дискриминацию по признаку пола и тем самым приблизиться к достижению гендерного равенства. Подобные требования к национальным властям жизненно важны. Во-первых, такие правовые положения предоставляют женщинам нормативную основу и процедурные механизмы, на базе которых они добиваются справедливости, когда сталкиваются с различными формами дискриминации и неравенства. Во-вторых, будучи нормами закона, они играют более широкую социальную роль и имеют решающее значение в профилактических и регулирующих усилиях. Подобные нормы являются одновременно нормами-дефинициями, юридически определяющими

подходы к гендерному неравенству, круг его субъектов, и нормами-принципами, которые не только отправляют важный сигнал о том, что гендерное неравенство и дискриминация женщин незаконны, но и устанавливают стандарты защиты на национальном уровне [International Human Rights Law... , 2014].

Вслед за международно-правовыми актами большинство современных конституций запрещают дискриминацию по признаку пола. Тем не менее, как показывают проводимые исследования, даже конституционный принцип недискриминации сам по себе недостаточен для обеспечения фактического равенства женщин. В последние годы универсальные и региональные органы по правам человека начали шире использовать недискриминационный подход в связи с договорами о правах человека, интерпретируя проявления дискриминации в свете особых вызовов, угрожающих правам человека женщин [Rudolf, Eriksson, 2007].

В то же время очевидно, что всеобъемлющие гарантии прав человека женщин, изложенные в международных и региональных правовых актах, становятся реальными только тогда, когда они принимаются и являются действенными на национальном уровне. Конституционное закрепление прав человека женщин обеспечивает наилучшую и наиболее надежную гарантию того, что будущие законы, политика и решения государства будут направлены на ликвидацию дискриминации и активное продвижение прав женщин [Women's Human Rights... , 2016].

По мнению Дж. Гардам, учет гендерных факторов является основной стратегией, принятой в рамках Организации Объединенных Наций и ее учреждений для расширения прав и возможностей женщин. Идея этой инициативы заключалась в оценке последствий для мужчин и женщин любой политики, программ или законодательства в любой области и на всех уровнях с конечной целью достижения гендерного равенства [Gardam, 2019].

При этом системной защите прав женщин в Европейском союзе и Совете Европы уделяется особое внимание. Следует учесть полифункциональный характер стандартов Совета Европы в сфере защиты прав человека как норм, правовой радиус которых распространяется на самые различные аспекты защиты политических, экономических, социальных, культурных и иных прав и свобод.

Как отмечают зарубежные исследователи, международные конвенции и иные международно-правовые акты важны не в последнюю очередь потому, что они предоставили конкретное определение понятия «гендерное насилие», которое служит для установления стандартов не только во всем мире, но и в национальных законодательствах [Klugman, 2017]. По международному праву государства имеют обязательства принимать, осуществлять и контролировать законодательство, касающееся всех форм насилия в отношении женщин. Многие государства приняли или пересмотрели такое законодательство. Тем не менее остаются значительные пробелы. Во многих государствах по-прежнему отсутствуют законодательные положения, которые конкретно касаются насилия в отношении женщин, и даже там, где существует законодательство, оно часто ограничено по объему и охвату или не применяется эффективно [Handbook for Legislation... , 2010].

Противодействие гендерному насилию в зеркале полифункциональных стандартов Совета Европы

Теоретически гендерное равенство проистекает из необходимости решения формационных задач эволюционирования каталога прав человека, однако даже в XXI в. эта проблема не решена окончательно, о чем заявляют как политические лидеры государств, так и эксперты в области прав человека на самых различных уровнях. Например, С. Фридман и Б. Голдблатт отмечают, что законодательное и институциональное неравенство женщин и мужчин оказывает серьезное влияние на способность женщин получать доступ к экономическим ресурсам и расширению прав и возможностей [Fredman, Goldblatt, 2015]. В то же время справедливо утверждение, что в последние десятилетия вопросы, касающиеся прав женщин, заняли видное место на международно-правовой арене. Однако права женщин в контексте вопросов их безопасности — относительно новое явление [Adrian-Paul, Naraghi Anderlini, 2004]. В течение последних двух десятилетий международные участники уделяли внимание кризису насилия по признаку пола [Ulrich, 2000]. Ряд зарубежных исследователей подчеркивают, что насилие в отношении женщин, насилие в семье и гендерное насилие являются одними из наиболее серьезных нарушений прав человека в Европе. Эти формы насилия также в значительной степени замалчиваются. Домашнее насилие (насилие в семье) является одной из многочисленных форм насилия в отношении женщин, которые были идентифицированы во всем мире, в том числе и на правовом уровне [Andreea, 2004]. Статистика наглядно свидетельствует о том, что насилие в отношении женщин — широко распространенное явление. Одно из наиболее всеобъемлющих исследований было проведено в Европе Агентством Европейского союза по основным правам в 2014 г. В нем представлены данные о масштабах, характере и последствиях насилия в отношении женщин в государствах — членах ЕС. Результаты исследования были шокирующими. Каждая третья женщина (33 %) подвергалась физическому и/или сексуальному насилию с 15-летнего возраста. Каждая пятая женщина (18 %) сталкивалась с преследованием, а каждая вторая женщина (55 %) — с одной или несколькими формами сексуального домогательства [OSCE-led Survey... , 2014].

При этом движение по признанию насилия в семье нарушением прав человека в международном праве начало развиваться относительно недавно [Meyersfeld, 2016]. В настоящее время насилие в семье является постоянной темой в исследованиях по международному праву, наглядно иллюстрирующих множество способов имплементации, посредством которых данное право взаимодействует с внутренними нормами [Stark, 2001].

Тем не менее формационное развитие каталога прав человека, включая обеспечение и защиту прав женщин, не останавливалось [Каширкина, Морозов, 2020], и на каждом его этапе принятие международно-правового акта означало новую веху в развитии гендерного движения. Однако сущность проблем, затрудняющих решение гендерных вопросов и обеспечение женщинам реального равенства, гарантированных прав и защиты от дискриминации и насилия, в условиях глобализации значительно видоизменяется.

Можно говорить о том, что негативной модифицирующей траекторией современной проблематики является распространение применения в отношении женщин не только физического насилия, но и психологического и бытового.

Стамбульская конвенция: каналы имплементации и национальные решения

Новый этап сотрудничества государств для ограждения женщин от всех форм насилия был связан с принятием в 2011 г. Советом Европы Конвенции по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (Стамбульская конвенция). Ключевой частью деятельности Совета Европы стала ратификация и осуществление данной Конвенции [Stubberud et al., 2018].

Стамбульская конвенция вступила в силу 1 августа 2014 г. после ее ратификации 10 государствами. К августу 2019 г. она была ратифицирована 34 государствами — членами Совета Европы и подписана всеми другими государствами-членами, за исключением Азербайджана и Российской Федерации. Она также была подписана одной международной организацией — Европейским союзом. Оговорки к настоящей Конвенции были сделаны 22 государствами-участниками в соответствии со статьей 78 «Оговорки». Пять государств-участников приняли заявления, одно из которых (заявление Польши) было отклонено шестью государствами-участниками. В двух странах, Болгарии и Словакии, процесс ратификации недавно был приостановлен. В Болгарии это вызвано решением Конституционного суда, установившего противоречие между Стамбульской конвенцией и Конституцией Болгарии. В Словакии 29 марта 2019 г. Национальный совет подавляющим большинством голосов проголосовал против ратификации Стамбульской конвенции и обратился к правительству с просьбой прекратить процесс ратификации.

Стамбульская конвенция является первым в Европе юридически обязательным документом, специально посвященным насилию в отношении женщин, и знаменует важный шаг на пути к достижению более полного равенства полов. Конвенция устанавливает высокие стандарты, обеспечивающие защиту женщин в Европе [The Council of Europe Convention... , 2014].

Таким образом, можно признать, что положения Стамбульской конвенции, несмотря на их прогрессивный характер для решения вопросов гендерной защиты, до сих пор неоднозначно воспринимаются в национальных правовых системах даже европейских государств. И объяснение этого коренится не только в нежелании государств связывать себя дополнительными международными обязательствами, но и в том, что конвенционное наполнение принципов гендерной защиты от всех видов дискриминации и насилия в Стамбульской конвенции носит довольно сложный правовой характер и может иметь различные правовые интерпретации и толкования.

В целом вступление в силу Стамбульской конвенции, пишет Р. Маккуигг, является еще одним важным событием в деле решения проблемы насилия в семье. По сути, Стамбульская конвенция налагает на государства подробные обязательства по введению ответных законодательных мер на насилие в отношении женщин в отличие от гораздо более общих обязанностей, возлагаемых на государства Европейским судом по правам человека [McQuigg, 2015].

В целях подготовки компетентного, в том числе телеологического, толкования законодательства в свете международных актов в рамках Совета Европы действует специальный орган — Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия), которая объединяет специалистов в качестве независимых экспертов от различных государств [Хабриева, 2018; Венецианская комиссия... , 2014]. В задачи Венецианской комиссии входят как экстренная конституционная помощь государствам в период различных внутренних кризисов, так и оказание им содействия в рамках улучшения их национальных правовых систем при принятии резонансных законодательных актов, как правило затрагивающих права и свободы человека и гражданина, и при ратификации международных договоров в указанной сфере. Подобная помощь государствам оформляется в виде заключений, носящих рекомендательный характер и не влекущих строго юридических обязательств по их выполнению, однако в силу исключительного авторитета данного органа Совета Европы и высокопрофессиональной проработке различных сложнейших вопросов заключение Венецианской комиссии обычно внимательно исследуется органами государственной власти той страны, в отношении которой оно составлено.

Одно из последних заключений Венецианской комиссии касалось вопросов ратификации Республикой Армения Конвенции по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье, в частности конституционных последствий ратификации Арменией данного международного договора [Armenia: Opinion on the Constitutional Implications... , 2019].

Армения подписала Стамбульскую конвенцию 18 января 2018 г.¹, в настоящее время процесс ратификации находится на стадии рассмотрения.

Основные выводы, которые сделала Венецианская комиссия в контексте ратификации Стамбульской конвенции, заключались в следующем: 1) Стамбульская конвенция не нужна Армении; 2) она содержит определенные термины и понятия, которые противоречат терминам и понятиям, закрепленным в национальной конституции рассматриваемой страны; 3) Стамбульская конвенция приведет к законодательным изменениям, которые будут противоречить национальной конституции Армении; 4) Конвенция вводит орган, обладающий, с точки зрения страны, чрезмерной компетенцией; 5) она вводит новые обязательства в области права убежища.

Цель Стамбульской конвенции, изложенная в ее преамбуле, заключается в том, чтобы создать Европу, свободную от насилия в отношении женщин и бытового насилия. Поэтому государства-члены обязаны сформировать национальную правовую базу для борьбы со всеми формами насилия в отношении женщин, их предупреждения и судебного преследования. Кроме того, в Конвенции подчеркивается взаимосвязь между расширением прав и возможностей женщин, т. е. гендерным равенством, и ликвидацией всех форм насилия в отношении женщин.

¹ Подписывая конвенцию, Армения сделала оговорку, оставив за собой право не применять положения Конвенции, изложенные в статье 30 (2) «Компенсация», статье 55 (1) «Судопроизводство при наличии одной стороны и судопроизводство по должности», статье 35 «Физическое насилие», статье 58 «Законодательство об исковой давности», статье 37 «Насильственный брак» и статье 59 «Статус проживания».

Для достижения этой цели Стамбульская конвенция опирается на другие международно-правовые документы, такие как Конвенция о защите прав человека и основных свобод, а также прецедентное право Европейского суда по правам человека. Кроме того, она представляет собой разработку стандартов, закрепленных в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Наконец, Стамбульская конвенция воспроизводит в модифицированной форме принципы Международного пакта о гражданских и политических правах, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Таким образом, главное достижение Стамбульской конвенции заключается в ее поликонвенционном характере, т. е. опоре на самые различные международные договоры, конвенции, носящие системообразующий характер для защиты прав человека, и каждый международно-правовой документ уже содержит в себе значительный массив правовых норм в сфере защиты прав человека, в том числе прав женщин, включая соответствующие обязательства для государств по обеспечению и гарантиям недопущения соответствующих нарушений.

По нашему мнению, такой сложный поликонвенционный характер Стамбульской конвенции является ее огромным достижением, но одновременно осложняет работу по ратификации данной Конвенции и ее успешной имплементации в ряде государств, где проблемы с насилием в отношении женщин и их дискриминацией не выносятся на повестку дня как серьезные.

Стамбульская конвенция опирается на указанные документы, но в ней особое внимание уделяется насилию в отношении женщин и бытовому насилию, которые прямо не рассматриваются в более ранних документах, несмотря на то что данные формы насилия неоднократно квалифицировались как серьезное и распространенное нарушение прав человека. Она следует примеру Межамериканской конвенции о предупреждении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него (Конвенция Белен-ду-Пара), принятой под эгидой Организации американских государств (1994 г.), а также Протокола к Африканской хартии прав человека и народов о правах женщин в Африке (2003 г.), более известного как Мапутский протокол.

Несомненное достижение Стамбульской конвенции заключается в принятии унифицированных определений понятий «насилие в отношении женщин» и «насилие в семье» с тем, чтобы содействовать лучшему пониманию этих терминов и проводить различия между ними. В частности, Стамбульская конвенция определяет «насилие в отношении женщин» как нарушение прав человека и форму дискриминации женщин и означает все акты гендерного насилия, которые приводят или могут привести к физическому, сексуальному, психологическому, экономическому ущербу или страданиям женщин, в том числе угрозы таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы независимо от того, происходит ли это в публичной или частной жизни. Указанное международно-правовое определение вполне увязывается с трактовками, дающимися в правовой доктрине. Так, в коллективной монографии «Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция» подтверждается, что домашнее насилие представляет собой сочетание различных форм

насилия — физического, сексуального, психологического, экономического и иных форм подавления, используемого членом (членами) семьи против другого члена этой же семьи (или других членов семьи), партнерства или иной формы семейных отношений. Формы насилия, в свою очередь, могут включать убийство, нанесение телесных повреждений, запугивание, угрозы, оскорбления, изоляцию, изнасилование, манипулирование, использование детей, финансовые ограничения и отставание «мужских привилегий» (таких как единоличное принятие всех важных для семьи решений, перекладывание на плечи женщины выполнения всех домашних обязанностей и т. д.) [Домашнее насилие... , 2011: 14].

Указанный состав понятия «насилие в отношении женщин» усложняет его юридическое восприятие для правоприменителей, которыми будут являться государственные органы, тем, что, помимо свершившихся актов насилия, под конвенционное, т. е. международно-правовое, закрепление подпадают акты, которые могут привести к насилию в отношении женщин в будущем. Таким образом, кроме юридического события, а именно факта дискриминации, защитительная природа данной нормы Стамбульской конвенции направлена намного дальше — на недопущение этих актов в будущем, а значит, носит превентивно-обязывающий характер по недопущению таких форм насилия в отношении женщин, включая насилие психологическое и бытовое. При этом Стамбульская конвенция содержит указание на применение механизма компенсации².

В дополнение к определению термина «насилие в отношении женщин» в статье 3 (b) Стамбульской конвенции также содержится определение понятия «насилие в семье» («бытовое насилие»): насилие в семье означает все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят среди членов семьи или домочадцев либо между бывшими или нынешними супругами или партнерами независимо от того, проживает ли виновное лицо совместно с жертвой или нет.

В гендерно-нейтральном определении насилия в семье (бытовое насилие) учитывается, что мужчины, дети и пожилые люди могут быть жертвами этого насилия. Тем не менее общепризнанным является тот факт, что большинство жертв, пострадавших от бытового насилия, — женщины. В связи с этим бытовое насилие представляет собой еще одну форму насилия, которая имеет четко выраженный гендерный характер.

Как установила Венецианская комиссия в своем заключении, Стамбульская конвенция борется с бытовым насилием независимо от того, в какой семье

² Статья 30 «Компенсация» устанавливает: 1. Стороны принимают необходимые законодательные или иные меры, гарантирующие, что жертвы имеют право требовать компенсацию от лиц, совершающих акты насилия, при любом преступлении, которое установлено в соответствии с Конвенцией. 2. Надлежащая государственная компенсация присуждается лицам, пострадавшим от серьезных физических травм или нарушения здоровья, в той мере, в какой данный ущерб не покрывается иными источниками, такими как средства лица, совершившего акты насилия, страхование либо государственное медицинское и социальное обеспечение. Это положение не препятствует сторонам в порядке регресса требовать компенсации от лица, совершившего акты насилия, при условии должного обеспечения безопасности жертвы. 3. Меры, принимаемые в соответствии с параграфом 2 этой статьи, должны обеспечивать предоставление компенсации в разумные сроки.

или в какой домашней обстановке оно происходит. Бытовое насилие может иметь проявления в отношениях между интимными партнерами — супругами, в том числе бывшими, и сожителями, а также между двумя (или более) членами семьи разных поколений. Поскольку Стамбульская конвенция направлена на борьбу с насилием в отношении женщин и бытовым насилием везде, где оно имеет место, ее действие распространяется на всех партнеров, состоящих или не состоящих в браке, независимо от того, принадлежат ли они к одному или другому полу. Ни одна группа жертв не лишается защиты по причине семейного положения или по каким-либо другим признакам дискриминации, охватываемым Конвенцией.

Таким образом, многие государства оказываются неготовыми к принятию на себя обязательств такого уровня, на котором комплексная защита от всех форм насилия, предоставляемая женщинам, требует проведения всеобъемлющей профилактической работы с целью недопущения гендерного насилия, создания максимально эффективных и действенных механизмов реагирования не только на свершившиеся случаи насилия в отношении женщин, но и на потенциально опасные ситуации, способные привести к насилию в отношении женщин, а также механизмов реальных гарантий и компенсаций жертвам насилия в указанных в Стамбульской конвенции случаях. Все это обязывает государства не только к построению политической модели гендерной защиты, связанной с выполнением международных обязательств, но и к широкомасштабному распространению принципа недопущения всех форм насилия в отношении женщин в качестве важного структурного элемента восприятия общественной жизни. Кроме того, государства-участники обязаны повышать осведомленность и информировать общественность о предупреждении бытового насилия и насилия в отношении женщин, а также об укреплении равенства мужчин и женщин во всех сферах.

Иными словами, для ратификации Стамбульской конвенции и ее успешной имплементации в национальную правовую систему, включая главным образом ее реализацию, необходима политическая, социальная, экономическая готовность государства к принятию на себя соответствующих обязательств, немаловажное значение имеет психологическое восприятие обществом идей Стамбульской конвенции.

Таким образом, для ратификации и эффективного внедрения Стамбульской конвенции нужен синтезированный механизм правовой, экономической и социальной работы, а также создание необходимых условий. В то же время, как указала Венецианская комиссия с опорой на постулаты международного права, государства не обязаны ратифицировать все договоры, вытекающие из международного права.

В целом ратификация Стамбульской конвенции государствами должна привести к правовой «диффузии», т. е. распространению гендерных стандартов недискриминации и защиты женщин от всех форм насилия, их переходу с международно-правового и конституционного уровней на уровень правоприменителя в лице не только органов государственной власти, но и адресатов в различных социальных стратах, включая семью. В этом заключается основное целеполагание Стамбульской конвенции как акта нового, модифицированного уровня по сравнению с имеющимися международно-правовыми регуляторами в данной

сфере. В то же время необходимо отметить, что, как подчеркнула Венецианская комиссия в своем заключении, Стамбульская конвенция не устанавливает новых стандартов по признаку пола и гендерной идентичности, однако значительно расширяет существующие рамки восприятия этих стандартов за счет включения в содержание специальных положений.

Стамбульская конвенция: дилемма для государств или новый гендерный порядок

В заключение необходимо указать, что Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье несет в себе определенные социогендерные риски, связанные с новым гендерным порядком и новой практикой отношения к полу человека, гендерной идентичности и гендерным различиям. Очевидно, что Стамбульская конвенция стоит на максимально толерантных и расширенных позициях восприятия в национальных правовых системах гендера, а исходя из этого признает жертвами гендерного насилия максимально широкий круг акторов, среди которых могут быть мальчики и мужчины. Однако, и это важно подчеркнуть, Стамбульская конвенция тем самым не обязывает государства к восприятию однополых браков и формированию новой по отношению к существующей в законодательстве модели семьи, она причисляет эту прерогативу к внутригосударственным функциям. В этом плане ратификация Стамбульской конвенции несет для государств определенные гендерные риски, поскольку, помимо национальных укладов, традиций, затрагивает более тонкую сферу общественных отношений, а именно ментальность гендерных общностей в тех странах, где половые различия между мужчинами и женщинами, репродуктивная составляющая остаются фундаментальной основой, имеющей легальное закрепление для создания брака и семьи, а значит, для признания такой модели конструктивной и допустимой государством и обществом в качестве позитивной нормы поведения. Новый гендерный правопорядок, тем не менее, является реальностью, расширяющей границы и в сфере гендерных отношений, что подчеркивает в своем заключении Венецианская комиссия. В этом смысле справедливо утверждение Г. Г. Силласте о том, что формирование нового гендерного порядка закладывает в своем ядре идею достижения гендерного равноправия, а не равенства [Силласте, 2019]. В данном значении юридически равенство и не должно быть конечной целью закрепления легального статуса субъектов разных полов в силу биологической уязвимости женщин и необходимости их повышенной социальной защиты. В указанном контексте, несмотря на изложенные выше сложности в правовых моделях и потенциальные риски восприятия национальными правовыми системами, принятие и вступление в силу Стамбульской конвенции является важным шагом в формационных преобразованиях гендерной защиты и существенно расширяет каналы и механизмы защиты прав женщин в современных условиях.

Резюмируя, можно отметить, что права женщин и их комплексная защита — объект регулирования значительной части всех правовых норм, охватывающих международное публичное право. Усилия членов мирового сообщества по защите прав женщин и поощрению гендерного равенства привели к принятию важных документов, имеющих основополагающее значение для всего

человечества. В свете этих международных норм государства взяли на себя обязательства и создали механизмы для их достижения. Среди них как универсальные механизмы защиты прав человека, сформированные под эгидой Организации Объединенных Наций, так и механизмы «мягкого» права, реализуемые в числе прочего посредством Комиссии Совета Европы за демократию через право (Венецианская комиссия) [Maftai, 2015].

В то же время сочетание этих подходов для их успешной имплементации в национальные законодательства не может быть однолинейным процессом, а требует как определенного временного периода, так и многоступенчатых законодательных шагов в целях подготовки соответствующей нормативной базы. Кроме того, в настоящее время некоторые нормы, касающиеся защиты женщин от всех форм насилия, являются для отдельных государств амбивалентными, т. е. несущими риски по своей природе, ввиду неготовности правовых систем данных государств к формированию и закреплению в своем законодательстве однозначных и всеобъемлющих форм защиты женщин от насилия.

Библиографический список

- Балабанова-Стойчева И., Кадиева М., Крумова Т.* Права на жените и десен популизъм: нови инструменти за развитие на демократичните и социални ценности. 2017. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/sofia/13827.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- Венецианская комиссия: сто шагов к демократии через право / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. И. Лафитского. М.: Статут, 2014. 256 с.
- Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / отв. ред. Н. А. Голованова. М.: Юстицинформ, 2011. 384 с.
- Каширкина А. А., Морозов А. Н.* Европейский опыт продвижения гуманитарных ценностей для развития евразийской интеграции: будущие ориентиры // Право: журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 149—169.
- Каширкина А. А., Морозов А. Н.* Права женщин в современном обществе: результат генезиса или объективная необходимость? // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 3—16.
- Силласте Г. Г.* Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 4—13.
- Хабриева Т. Я.* Венецианская комиссия как субъект интерпретации права. М.: Статут, 2018. 344 с.
- Adrian-Paul A., Naraghi Anderlini S.* Key International Policies and Legal Mechanisms: Women's Rights in the Context of Peace and Security. 2004. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTMNAREGTOPGENDER/Resources/Key_Policies.pdf (дата обращения: 25.03.2020).
- Armenia: Opinion on the Constitutional Implications of the Ratification of the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence (Istanbul Convention): adopted by the Venice Commission at its 120th Plenary Session (Venice, 11—12 October 2019). 2019. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2019\)018-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2019)018-e) (дата обращения: 25.03.2020).

- Fredman S., Goldblatt B.* Gender Equality and Human Rights. 2015. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/UTSLRS/2014/8.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- Gardam Ju.* Feminist Interventions into International Law: a Generation. 2019. URL: <https://law.adelaide.edu.au/system/files/media/documents/2019-08/Feminist%20Interventions%20into%20International%20Law%20-%20A%20Generation%20On.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- Handbook for Legislation on Violence against Women. 2010. URL: <https://www.un.org/womenwatch/daw/vaw/handbook/Handbook%20for%20legislation%20on%20violence%20against%20women.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- International Human Rights Law and Gender Equality and Non-Discrimination Legislation: Requirements and Good Practices. 2014. URL: <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2014/05/GEL-BRIEFING-ELECwhole.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- Klugman J.* Gender Based Violence and the Law. 2017. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/232551485539744935/WDR17-BP-Gender-based-violence-and-the-law.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- Maftai J.* Aspects of UN Activities on the International Protection of Women's Rights. 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/311581432_Aspects_of_UN_Activities_on_the_International_Protection_of_Women's_Rights (дата обращения: 25.03.2020).
- McQuigg R. J. A.* Domestic violence as a human rights issue: *Rumor v. Italy* // *European Journal of International Law*. 2015. Vol. 26, № 4. P. 1009—1025.
- Meyersfeld B.* A Theory of Domestic Violence in International Law: Diss. (Dr. Sc.). 2016. URL: <http://digitalcommons.law.yale.edu/ylsd/3> (дата обращения: 25.03.2020).
- OSCE-led Survey on Violence Against Women: Main Report. 2014. URL: <https://www.osce.org/VAWSurvey/publication> (дата обращения: 25.03.2020).
- Rudolf B., Eriksson A.* Women's rights under international human rights treaties: Issues of rape, domestic slavery, abortion, and domestic violence // *International Journal of Constitutional Law*. 2007. Vol. 5, iss. 3. P. 507—525.
- Stark B.* Domestic violence and international law: good-bye Earl (Hans, Pedro, Gen, Chou, etc.) // *Loyola Law Review*. 2001. Vol. 47. P. 255—282.
- Stubberud E., Hovde K., Aarbakke M. H.* The Istanbul Convention: the nordic way: the nordic countries' implementation of a selection of paragraphs in the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence // *Forlaget Nora*. 2018. URL: https://www.academia.edu/36464907/The_Istanbul_Convention_the_Nordic_Way_The_Nordic_Countries_Implementation_of_a_selection_of_paragraphs_in_The_Council_of_Europe_Convention_on_preventing_and_combating_violence_against_women_and_domestic_violence (дата обращения: 25.03.2020).
- The Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence. 2014. URL: <https://www.endfgm.eu/content/documents/studies/Istanbul-Convention-FGM-guide.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- Ulrich J. L.* confronting gender-based violence with international instruments: is a solution to the pandemic within reach? // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2000. Vol. 7, iss. 2. P. 629—654.
- Vesa A.* International and regional standards for protecting victims of domestic violence // *American University Journal of Gender, Social Policy & the Law*. 2004. Vol. 12, iss. 2. P. 309—360.
- Women's Human Rights and National Constitutions. Leadership and Political Participation. 2016. URL: <http://www.onu.cl/es/wp-content/uploads/2016/06/Womens-Human-Rights-and-National-Constitutions-Guidance-Note.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

References

- Adrian-Paul, A. Naraghi Anderlini, S. (2004) *Key International Policies and Legal Mechanisms: Women's Rights in the Context of Peace and Security*, available from http://siteresources.worldbank.org/INTMNAREGTOPGENDER/Resources/Key_Policies.pdf (accessed 25.03.2020).
- Armenia: *Opinion on the Constitutional Implications of the Ratification of the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence (Istanbul Convention)*, adopted by the Venice Commission at its 120th Plenary Session (Venice, 11—12 October 2019) (2019), available from [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2019\)018-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2019)018-e) (accessed 25.03.2020).
- Balabanova-Stoicheva, I., Kadieva, M., Krumova, T. (2017) *Prava na zhenite i desen populiz'm: novi instrumenti za razvitie na demokratichnite i sotsialni tsennosti*, available from <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/sofia/13827.pdf> (accessed 25.03.2020).
- Fredman, S., Goldblatt, B. (2015) *Gender Equality and Human Rights*, available from <http://www.austlii.edu.au/au/journals/UTSLRS/2014/8.pdf> (accessed 25.03.2020).
- Gardam, Ju. (2019) *Feminist Interventions into International Law: A Generation*, available from <https://law.adelaide.edu.au/system/files/media/documents/201908/Feminist%20Interventions%20into%20International%20Law%20%20A%20Generation%20On.pdf> (accessed 25.03.2020).
- Golovanova, N. A. (ed.) (2011) *Domashnee nasilie po zakonodatel'stvu zarubezhnykh stran: otvetstvennost' i preventsiia* [Domestic violence under the laws of foreign countries: responsibility and prevention], Moscow: Yustitsinform.
- Handbook for Legislation on Violence against Women* (2010), available from <https://www.un.org/womenwatch/daw/vaw/handbook/Handbook%20for%20legislation%20on%20violence%20against%20women.pdf> (accessed 25.03.2020).
- International Human Rights Law and Gender Equality and Non-Discrimination Legislation: Requirements and Good Practices* (2014), available from <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2014/05/GEL-BRIEFING-ELECwhole.pdf> (accessed 25.03.2020).
- Kashirkina, A. A., Morozov, A. N. (2018) Evropeiskii opyt prodvizheniia gumanitarnykh tsennostei dlia razvitiia evraziiskoi integratsii: budushchie orientiry [European experience in promoting humanitarian values for the development of Eurasian integration: future guidelines], *Pravo: Zhurnal vyssheĭ shkoly ekonomiki*, no. 2, pp. 149—169.
- Kashirkina, A. A., Morozov, A. N. (2020) Prava zhenshchin v sovremennom obshchestve: rezul'tat genezisa ili ob'ektivnaia neobkhodimost'? [Women's rights in modern society: the result of genesis or objective necessity?], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—16.
- Khabrieva, T. Ia. (2018) *Venetsianskaia komissiiia kak sub'ekt interpretatsii prava* [The Venice Commission as a subject of interpretation of law], Moscow: Statut.
- Khabrieva, T. Ia., Lafitskii, V. I. (eds) (2014) *Venetsianskaia komissiiia: sto shagov k demokratii cherez pravo* [Venice Commission: a hundred steps to democracy through law], Moscow: Statut.
- Klugman, J. (2017) *Gender Based Violence and the Law*, available from <http://pubdocs.worldbank.org/en/232551485539744935/WDR17-BP-Gender-based-violence-and-the-law.pdf> (accessed 25.03.2020).
- Maftai, J. (2015) *Aspects of UN Activities on the International Protection of Women's Rights*, available from https://www.researchgate.net/publication/311581432_Aspects_of_UN_Activities_on_the_International_Protection_of_Women's_Rights (accessed 25.03.2020).

- McQuigg, R. J. A. (2015) Domestic violence as a human rights issue: *Rumor v. Italy*, *European Journal of International Law*, vol. 26, no. 4, pp. 1009—1025.
- Meyersfeld, B. (2016) *A Theory of Domestic Violence in International Law*: Diss. (Dr. Sc.), available from <http://digitalcommons.law.yale.edu/ylsd/3> (accessed 25.03.2020).
- Rudolf, B., Eriksson, A. (2007) Women's rights under international human rights treaties: Issues of rape, domestic slavery, abortion, and domestic violence, *International Journal of Constitutional Law*, vol. 5, iss. 3, pp. 507—525.
- Sillaste, G. G. (2019) Stranovoї gendernyї landshaft kak faktor formirovaniia novogo gendernogo poriadka, ego sotsial'nye riski [Country gender landscape as a factor in the formation of a new gender order, its social risks], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 4—13.
- Stark, B. (2001) Domestic violence and international law: good-bye Earl (Hans, Pedro, Gen, Chou, etc.), *Loyola Law Review*, vol 47, pp. 255—282.
- Stubberud, E., Hovde, K., Aarbakke, M. H. (2018) The Istanbul Convention: the nordic way: The nordic countries' implementation of a selection of paragraphs in the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence, *Forlaget Nora*, available from https://www.academia.edu/36464907/The_Istanbul_Convention_the_Nordic_Way_The_Nordic_Countries_Implementation_of_a_selection_of_paragraphs_in_The_Council_of_Europe_Convention_on_preventing_and_combating_violence_against_women_and_domestic_violence (accessed 25.03.2020).
- The Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence* (2014), available from <https://www.endfgm.eu/content/documents/studies/Istanbul-Convention-FGM-guide.pdf> (accessed 25.03.2020).
- Ulrich, J. L. (2000) Confronting gender-based violence with international instruments: is a solution to the pandemic within reach?, *Indiana Journal of Global Legal Studies*, vol. 7, iss. 2, pp. 629—654.
- Vesa, A. (2004) International and regional standards for protecting victims of domestic violence, *American University Journal of Gender, Social Policy & the Law*, vol. 12, iss. 2, pp. 309—360.
- Women's Human Rights and National Constitutions. Leadership and Political Participation* (2016), available from <http://www.onu.cl/es/wp-content/uploads/2016/06/Womens-Human-Rights-and-National-Constitutions-Guidance-Note.pdf> (accessed 25.03.2020).

Статья поступила 24.04.2021 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Каширкина Анна Анатольевна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения деятельности секретариата делегации Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия), Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, anna-kash@yandex.ru (Cand. Sc. (Law), Leading Researcher at the Department of Scientific Support of the Activities of the Secretariat of Russian Delegation in European Commission for Democracy through Law (Venice Commission), Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Морозов Андрей Николаевич — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела зарубежного конституционного, административного, уголовного законодательства и международного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, cclal@izak.ru (Cand. Sc. (Law), Leading Researcher at the Department of Constitutional, Administrative, Criminal Law and International Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).